

ЗАВЕЩАНИЕ НАГИБА МАХФУЗА

В.Н. КИРПИЧЕНКО

Доктор филологических наук
Институт востоковедения РАН

Ключевые слова: современная египетская художественная литература, Нагиб Махфуз, «Сны периода исцеления», «Отголоски автобиографии», сюрреализм, суфизм

Свою последнюю книгу «Сны периода исцеления» («Ахлам фатрат ан-накаха», 2005) египетский романист, лауреат Нобелевской премии (1988) Нагиб Махфуз (1911-2006) написал уже в госпитале, незадолго до своей кончины.

Поэтому первый вопрос, возникающий при чтении книги, касается ее названия. О каком «исцелении» может говорить человек на девяносто пятом году жизни, почти лишившийся слуха и зрения, слабо владеющий правой рукой (в 1994 г. молодой религиозный фанатик ударил Махфуза ножом в шею, правая рука писателя долго оставалась парализованной) и вряд ли надеющийся выйти из госпиталя? Очевидно, автор имел в виду не восстановление физических сил - они явно угасали, а вложил в слово «исцеление» другой, метафорический смысл.

Книга состоит из 146 небольших - от страницы до нескольких абзацев - текстов. По мере их написания отдельные «сны» публиковались в журнале *Нисф ад-дунья* («Полмира»). Художник Мухаммад Хогга вдохновился этими «снами» для создания картин, которые позднее были представлены на специальной выставке: 96 полотен, написанных маслом в манере различных авангардистских и модернистских школ, преимущественно сюрреалистической.

Один из близких друзей Махфуза, Заки Салим, считающий писателя своим учителем, увидел во многих снах суфийское содержание и истолковал их именно с этой точки зрения.

Мы попытаемся проследить, как и насколько связаны «Сны

периода исцеления» с реальной действительностью, с сюрреализмом и суфизмом.

Нагиб Махфуз хорошо понимал, что пишет свою последнюю книгу, пишет, потому что не может не писать, потому что служение литературе - смысл и высокая миссия всей его жизни, а день, когда желание писать покинет его, станет днем смерти. Он, разумеется, был рад некоторому улучшению своего физического состояния, позволившему ему вернуться к работе. А смысл слова «исцеление» связан, вероятнее всего, с намерением писателя отделиться от земных забот и пристрастий, обрести ясность «внутреннего зрения» и, не оглядываясь на обстоятельства внешнего порядка, подвести итоги не только собственной жизни, но и того периода истории Египта, на который пришлось его жить.

Второй вопрос касается выбора писателем жанровой формы, в

Нагиб Махфуз

которой он воплотил это свое «последнее» слово.

Сам Махфуз объяснял причины, по которым он избрал жанр «сновидений», так: «Когда мои зрение и слух ослабели, словно плотный занавес опустился вокруг меня, отгородил меня от мира. Я больше не мог читать, разговаривать по телефону, смотреть телевизор. Не мог наслаждаться прогулками, ходить в мечеть Хусейна, встречаться с людьми, посещать места, связанные с воспоминаниями. Когда человек отрывается от мира, он обращает взгляд внутрь себя, начинает перебирать прошлое. И сон заменяет ему реальность. Я вижу в снах события, которые были и которых не было, вычитанные некогда в книгах, стихи, удержанные памятью. Иногда просыпаюсь и хорошо помню то, что видел во сне.

Тут же все это записываю, потому что сны - очень хрупкая материя, быстро забываются. Записанное в книге «Сны периода исцеления» - это либо сны, которые я видел, либо обрывки снов, к которым я что-то добавил, либо сны, которые я вообразил»¹.

Из этих слов следует, что в основе махфузовских «Снов...» лежат, преимущественно, воспоминания - о местах, событиях, людях, сохранившиеся в памяти стихи и впечатления от прочитанных книг. Воспоминания, прихотливо трансформированные в сновидениях, но додуманные, выстроенные в уме бодрствующим художником, искавшим для них нужные, точные слова, и лишь после этого записанные на бумаге и превратившиеся в лаконичные тексты, то последовательно сюжетные, самодостаточные, даже анекдотические, не нуждающиеся в объяснениях, то кажущиеся алогичными, иногда фантастическими, которые могут быть понятны лишь при условии знания биографии и творчества писателя. В этих текстах сублимируется опыт целой жизни - живая «память сердца» и печальная «память рассудка».

Жанр «сновидений» (*манама*, *хулм*) имеет давнюю и богатую традицию в мировой, в т.ч. и в арабской, литературе. Уже в «Жизнеописании Пророка Мухаммада» Ибн Исхака - Ибн Хишама (VIII-IX вв.) в числе элементов беллетризации текста присутствуют вещие сны, в частности сны, предсказывающие мусульманам победу в битве при Бадре. Их видят представители обеих враждующих сторон - и язычники-мекканцы, и мусульмане-мединцы, и сам Мухаммад².

В одном из поздних (первое упоминание о нем относится к началу XVI в.) арабских народных романов «Жизнеописание султана аз-Захира Бейбарса»³, герой которого султан Египта (1260-1277), прославился успешной борьбой с крестоносцами, персонажам-христианам нередко является во сне пророк Мухаммад, призывающий их принять ислам. Существовали и специальные сборники *манама*. Особенно жанр сновидений был востребован в суфийской поэзии и прозе.

Наиболее распространенным мотивом снов было явление пророка Мухаммада, какого-либо святого праведника Аллаха или авторитетного суфия, наставляющего сновидца на «истинный путь», исцеляющего от болезни, предсказывающего судьбу, рекомендуящего тарикат, в который следует вступить, советуящего написать полезный, поучительный труд. В самом конце XVIII в. крупнейший египетский историк ал-Джабарты в некрологе шейху-суфию Махмуду ал-Курди, которого он называет «общепризнанным творцом чудес и изумительных знамений»⁴, приводит несколько снов, описанных ал-Курди в его сочинениях. Пророк являлся шейху чуть ли не ежедневно, а порой он видел и самого Аллаха.

Определяя жанр своего произведения как *ахлам* (сны, грезы), Махфуз подчеркивает право художника на воображение, претворение действительности в аллегорические или метафорические образы, требующие от читателя умственных усилий для их расшифровки, проникновения в смысл, часто неоднозначный. Жанровая форма и дает основания для истолкования книги «Снов...» в суфийском или в сюрреалистическом ключе.

По природе своего дарования, в силу склада ума и полученного философского образования Махфуз - прежде всего романист, им написано более тридцати романов. Но в последние годы жизни романов он не писал - уже не хватало сил, не было - «и даже не предвиделось», по словам Махфуза, - темы.

«Я привык, - говорил он своему постоянному собеседнику и преданному мюриду, выдающемуся писателю Гамалю ал-Гитани (р. 1945), - писать об обществе. Возьмем, к примеру, коррупционера. Каждый раз, когда я думаю о персонаже подобного типа, перед глазами встает Махгуб Абд ад-Даим⁵, и я говорю себе: ведь я уже писал о нем. Изменились только масштабы коррупции, взятки теперь измеряются миллионами. Сущность осталась прежней - пробиться наверх любой ценой»⁶.

Но в творческом наследии Махфуза, помимо романов, есть и

сборники рассказов, одноактные пьесы, киносценарии. И он упорно искал все новые повествовательные формы. Великий труженик, для которого постоянное творческое обновление, стремление быть на уровне века и сохранять при этом собственное лицо, было вопросом престижа - не только его личного, но и престижа всей арабской литературы, Махфуз всю жизнь учился: внимал в историю мировой литературы и внимательно следил за всеми возникавшими в ней в XX в. новыми течениями. Он освоил и «опробовал» в своих романах и рассказах самые разнообразные изобразительные средства, стили и приемы литературного письма - от арабских средневековых до западных модернистских.

Обладая при этом неисчерпаемым творческим воображением, сохраненным до последних дней жизни, Махфуз так «переваривает» все заимствуемое из мировой литературы, что зачастую о его «источниках» можно лишь догадываться. Критики и исследователи творчества Махфуза сетовали на это неоднократно, выясняя, кто же из великих оказал на него влияние в том или ином случае. А Махфуз брал и использовал все, что ему годилось, оставаясь при этом самим собой, выражая собственное видение окружающего мира. Это видение менялось, потому что менялся мир и изменялись исторические условия и перспективы его родной и любимой страны - Египта, но изменения фактически не затрагивали сущностных - нравственных основ его мировосприятия.

Мировоззренческие и философские взгляды Махфуза складывались в то время, когда знакомство с западной культурой и наукой, просветительство, реформация ислама и обновительское движение в литературе поколебали устои догматической веры, и многие арабские литераторы - христиане и мусульмане - проникались идеями индивидуального богопознания, поисками «Бога внутри человека».

Махфуз вырос в традиционной мусульманской семье, где соблюдение повседневных ритуалов и посещение мечети Хусейна для участия в пятничной коллек-

тивной молитве были неотъемлемой частью жизненного уклада. Его школьными учителями арабского языка и литературы были шейхи, выпускники старейшего мусульманского духовного университета ал-Азхар (они обладали преимущественным правом преподавания этих предметов в школах).

Первые три романа писателя на сюжеты из древнеегипетской истории написаны языком Корана, коранических преданий, хадисов и средневековой арабской поэзии. Под влиянием событий революции 1919 г., участвуя в школьных демонстрациях (это участие поощрялось учителями-шейхами), он проникся духом египетского патриотизма и преклонения перед «вождем нации» Саадом Заглулом.

Прослушанный Махфузом в университете курс философии включал в себя, преимущественно, труды западноевропейских философов-идеалистов, из которых наиболее близким ему оказался Бергсон, особенно его мысль о связи творчества со способностью личности к интуитивному познанию, она в решающей степени определила выбор Махфузом профессии литератора. Работая над магистерской диссертацией «Понятие красоты в мусульманской философии», он читал и сочинения ал-Газали⁷. Громадное впечатление произвело на него чтение трудов «вождей мысли» его юности, египетских «обновителей» Аббаса ал-Аккада, Саламы Мусы, Таха Хусейна, знакомивших египтян с достижениями Запада в различных областях знания. В его понимании мира и истории всегда остается главенствующим духовно-нравственный аспект.

Историю эволюции человеческого сообщества Махфуз представляет себе - об этом свидетельствует его творческое наследие - как развитие сменяющимися поколениями людей идей и взглядов предшественников, превращении «врожденных верований» в идеологические, политические, социологические «убеждения». Махфуз признает значение «лепешки хлеба» в качестве стимула социального поведения человека, ратует за установление в общест-

ве «справедливости», но отвергает вслед за кумиром его юности, адептом фабианского социализма С.Мусой, насильственные способы общественного переустройства (в этом вопросе он апеллирует и к Достоевскому - в романе «Вор и собаки», 1961⁸). И, как Таха Хусейн, он рационалист, признающий великую силу разума, научно-критические методы познания действительности, эволюционную теорию Дарвина. Категорически отвергая идею «абсурдности» человеческого существования, он противопоставляет ей, наряду с разумом, и дарвиновское учение - в качестве источника «исторического оптимизма» (в романе «Болтовня на Ниле», 1965). Стремление согласовать, «примирить» науку и веру - одна из констант его творчества.

По натуре Нагиб Махфуз был человеком сдержанным и осторожным, он никогда не состоял в политических партиях, хотя с юных лет сочувствовал *Вафду*, партии египетского «среднего класса», основной силы египетской национально-буржуазной революции 1919-1923 гг.

В своих романах Махфуз запечатлел практически все этапы истории Египта XX столетия, последовательно «отслеживая» эволюцию, соотношение и противоборство основных направлений общественной мысли, идеологических и политических, и предоставляя критикам спорить, кому же из героев - социалисту, исламисту или либералу - сочувствует сам автор. В частых публицистических выступлениях Махфуз неизменно соблюдал «политкорrekтность».

Много раз Махфуз задумывался над написанием автобиографии, но так и не осуществил своего намерения, поскольку «обязательность истины» в произведении исповедального жанра казалась ему опасным и почти невыполнимым требованием. Тем не менее, все творчество Махфуза пронизано автобиографизмом, и не только потому, что оно, так или иначе, между строк - через систему образов, структуру романов, сюжетные повороты - отображает духовные искания и общественно-политические взгляды писателя, но и потому,

что во многих произведениях он возвращается, - каждый раз предлагая новую художественную версию, - к особо значимым для него событиям и фактам своей личной жизни.

По этапам творческой биографии Махфуза можно проследить всю историю эволюции арабской литературы в XX в. Он - романтик в трех его исторических, «фараонских» романах первой половины 1940-х гг., реалист-бытописатель в серии «каирских» романов второй половины 40-х - первой половины 50-х гг. Его философский роман-парабола «Сыны нашей улицы» (1959)⁹ представляет собой первый опыт «арабизации» современного арабского романа - произведение стилизовано под средневековый арабский народный роман-сиру (жизнеописание героя).

В начале 60-х гг. XX в. Махфуз уже полностью меняет «традиционный» реалистический стиль, выработанный им за предыдущие два десятилетия, отказывается от функции всезнающего автора, часто передоверяет роль повествователя отдельным персонажам с их субъективным видением текущей действительности, пишет в стиле внутреннего монолога, несобственно прямой речи. Пытаясь разглядеть черты становящегося в Египте после революции 1952 г. общества, прозреть его будущее, определиться в собственном отношении к происходящему в стране, Махфуз широко пользуется иносказанием, символикой, аллюзией. Романы давали возможность их различных интерпретаций и неизменно вызывали разногласия литературно-критических откликов. Споры велись и вокруг формы произведений, и, особенно острые, вокруг их содержания, нравственного, философско-религиозного, политического.

На склоне лет он все чаще обращается к своему прошлому, к прожитой жизни. И пишет книгу «Отголоски автобиографии» («*Асда ас-сира аз-затиййа*»), которую не сразу, после некоторых колебаний - книга его не совсем удовлетворяет - публикует в 1995 г. Сначала Махфуз хотел назвать ее «Размышления», но передумал, решив, как он сказал Га-

мало ал-Гитани в свойственной ему манере - слегка посмеиваясь над собой, что «книга на это не тянет, да и я не Декарт!»¹⁰

Книга содержит 227 коротких - от страницы до одной фразы - текстов, которые представляют собой именно «отголоски» автобиографии. Описываются не сами эпизоды детства, юности, взрослой жизни, а произведенное ими впечатление, оставившее неизгладимый след в душе и в памяти. Смерть бабушки - первое столкновение ребенка со смертью. Девочка, обнявшая его, чтобы утешить в горе, - первое соприкосновение с «женским теплом». Созерцание старых фотографий рождает сожаления о быстротечности жизни, мысль о том, что счастье - только краткий сон. Такой же отголосок вызывает в душе встреча со старушкой, некогда бывшей его первой женщиной.

Воспоминание о женитьбе передается притчей о «свободном воробье», «купившемся» на овес и оказавшемся в клетке, но не сожалеющем о былой свободе, когда рядом любимая, кормящая его с рук. Размышления о том, что есть жизнь и что есть смерть, что такое любовь, земная и вечная. Прοобразом вечной возлюбленной стала для Махфуза девушка-аристократка, жившая во дворце, неподалеку от его дома в квартале ал-Аббасийя. Он видел ее всего несколько раз, но помнил всю жизнь, и история этой любви, в разных версиях, находит свое воплощение во многих его романах.

Вторая половина «Отголосков автобиографии» (109 текстов) представляет собой самостоятельный цикл, объединяемый образом шейха Абд Раббихи ат-Таиха (букв. *Заблудший раб своего Господа*).

Друг-каллиграф приводит рассказчика в пещеру в пустыне, где собирались последователи шейха. Они общались между собой, беседовали и пели песни так упоенно и самозабвенно, что «их называли пьяницами, а пещеру - «винной лавкой». Рассказчик провел вместе с ними ночь, и «они вошли в мое сердце без посредника». Он обратился к шейху с просьбой принять его в «тарикат».

«Шейх спросил:

- Что влечет тебя к нам?

- Я совсем разочаровался в жизни и хочу бежать от нее.

- Любовь к жизни - стержень нашего тариката, а бегство - наш враг.

И я почувствовал, что отправляюсь в путь, покидая стоянку колебаний».*

(«Когда мы взглянули друг другу в глаза»).

В таком «суфийском» стиле Махфуз повествует о своем вхождении в круг литераторов, регулярно собиравшихся в каирских кафе, об обретении уверенности в том, что литература - единственно верный и возможный для него выбор. Сообщает о недовольстве властей этими собраниями («*На небесах раздражены непотребными действиями и отвратительными запахами*». «Жалоба»). О том, как каждый из друзей надеялся, что ему «повезет», но по-настоящему «повезло» лишь ему, рассказчику (Нобелевская премия предстает в виде явившейся в пещеру прекрасной нагой женщины, которая подошла к нему и накрыла волной своих распущенных волос, что несказанно обрадовало всех. «Благословенное воспоминание».)

Большую часть текстов составляют мудрые изречения шейха Абд Раббихи ат-Таиха и его ответы на вопросы учеников, касающиеся все тех же «вечных» тем - жизни и смерти, любви и «совершенства», памяти и забвения, веры и неверия. Значащее имя шейха - Заблудший - отсылает к мысли о том, что всякому человеку свойственно заблуждаться и что суждения его не следует воспринимать как истину в последней инстанции. Стоящий за образом шейха рассказчик (он выступает в роли ученика, но иногда говорит и от собственного имени, что отражает реальное положение вещей - со временем сам Махфуз становится главой литературного «тариката») словно просит снисхождения у читателя, если тот не со всеми его мыслями согласится. Правда, шейх признается, что все еще не избавился

* Здесь и далее перевод с арабского В.Н.Кирпиченко.

от болезни «самодовольства» («Болезнь»).

Шейха часто попрекают его слишком большой любовью к жизни и к ее радостям: к женщинам, еде, стихам, песням, к познанию. Но он видит в этих радостях «милость Вседарящего». А если праведники порицают мир, то лишь за его «испорченность». На вопрос «*Как же могут происходить такие вещи в мире, созданном Милостивым и Милосердным?*» шейх дает ответ: «*Если бы он не был Милостивым и Милосердным, они и не происходили бы*» («Милосердие»). «*Жизнь кажется цепью столкновений, слез и страхов, но в ней есть очарование, которое пленяет и опьяняет*» («Очарование»). Человеческая жизнь коротка - это лишь «одно биение сердца». Вместе с тем, вечная жизнь - смена веков, перипетии судьбы, многое знание, уход близких - непереносима. Что касается «совершенства», то это, по словам шейха, «*мечта, живущая в воображении, если бы она претворилась в действительность, ни один из живущих не обрадовался бы*» («Совершенство»).

«Самого идеального» из тех людей, которых он знал, шейх ат-Таих описывает так:

«Добрый и великодушный человек всегда служил людям, почитал Аллаха. В свой сотый день рождения напился дотьяна, пел, танцевал и женился на двадцатилетней девственнице.

*А в их брачную ночь явился сонм ангелов, и они окурили его благовониями с горы Каф»*** («Жених»).

Эпикурейский образ «самого идеального» человека соотносится с очень значимым в раннем творчестве Махфуза культом креативной «мужской силы», он напоминает главу семейства, патриарха Абд ал-Гавада из «Бейн ал-Касрейн», шутника и весельчака, любителя музыки и пения в компании друзей, ненасытного в своей любви к женщинам, но всегда истового мусульманина. И хотя дома он суровый господин, тиранящий жену и внушающий страх детям, даже его престарелая теща восторгается зятем, считает,

** Гора Каф - сказочная гора, находящаяся «на краю земли».

что все прочие мужчины ему в подметки не годятся. К личности самого Махфуза, тоже любившего веселье, музыку и пение в компании друзей, этот образ приложим только, если добавить к нему те черты аскетизма и «трудоголия», которые отличали писателя в повседневной жизни.

Устами шейха Махфуз продолжает свой спор с атеистическим экзистенциализмом, начатый им в романе «Сыны нашей улицы», где ницшеанскому тезису о смерти Бога противопоставлялась отдаленная перспектива формирования «богоподобного человека», несущего в душе «идеал», синтезирующий общественное - познание мира с помощью науки, активная деятельность на благо общества - и нравственное самосовершенствование. Шейх рассказывает:

«Пришел ко мне человек и сказал: «Не верь... Ты только сын слепого случая и борьбы элементов... Без цели пришел... без цели уйдешь... Тебя словно и не было».

Я ответил:

- Когда-то твой отец поверил в то, во что верить нельзя. И потерял покой и счастье» («Не верь»).

И подтверждает свою веру заявлением: *«Глупее глупого верующего только глупый неверующий» («Глупость»).*

Но вера для него неотделима от разума. Ссылаясь на стих Корана, шейх утверждает: *«Он открыл дверь бесконечности, когда сказал: «Неужели же вы не уразумеваете?»** («Разум»).*

Любовь во всех ее проявлениях - к жизни, к женщинам, к «вечной» возлюбленной, к «прекрасным словам» (литературе), к веселью в компании друзей - источник жизненного оптимизма шейха Абд Раббихи ат-Таиха. Любовь и вера в то, что жизнь человека не бессмысленна, и человек должен, опираясь на знание и опыт, честно выполняя свой жизненный долг, все глубже постигать смысл бытия.

Заканчивается книга текстом «Радость»:

«В ночь праздника мы собрались в пещере, все как один.

Снаружи дули и ревели холодные ветры.

А души всех собравшихся были преисполнены нежности, пьянящей как песня.

И сказал шейх Абд Раббихи ат-Таих:

- Здоровья всем, кто выполнил свой долг на рынке (жизни), кто бросил вызов горестям.

Мы скромно потупили глаза и слушали свирель старого пастыря.

И продолжал шейх:

- Смотрите на вход в пещеру, не отводите глаз.

Сердца затрепетали и напряглись в нетерпеливом ожидании радости, и узрел ее разум и услышала душа».

В основе повествования лежит реальность, но эта реальность метафоризована и описывается в суфийских терминах. В средневековой прозе и поэзии, воплощающих суфийские концепции, традиционные слова и образы наделяются особым, доступным лишь посвященным смыслом, их назначение - описать мистический путь суфия к познанию - интуитивному, сердцем - Бога, передать испытанные им на этом пути переживания и эмоции. Достижение экстаза через винопитие, постижение божественной истины, Абсолюта, в состоянии опьянения - образы, постоянно фигурирующие в суфийской литературе. Как и образ Возлюбленной, к соединению с которой стремится суфий.

У Махфуза «пещера», в которой собираются члены «тариката» шейха ат-Таиха, символизирует кафе, место собраний каирских литераторов, «винопитие» же и «пение песен» - разговоры о литературе и чтение авторами своих сочинений. Отрыв от общества, игнорирование окружающей действительности членами «тариката» решительно осуждаются. Вместе с тем, используя термин «*тарикат*» (общество суфиев), Махфуз подчеркивает не только высокое предназначение литературы, но и особый дар художественного «видения», присущий таланту.

Представляется, что в данном случае «суфийский стиль» - это способ создания образа духовно-

го мира не просто человека, но человека-художника, стремящегося запечатлеть в слове всю полноту и красоту мира и сформулировать свой нравственный императив - выполнение писательского долга «на рынке жизни», среди людей и для людей.

Мажорный настрой книги становится понятнее, если принять во внимание время ее написания - после получения Нобелевской премии (1988) и до покушения на писателя (октябрь 1994). Премия подтвердила, что выбор, сделанный Махфузом в юности, - беззаветное служение литературе, - был верным, он добился международного признания своих трудов, поднял престиж арабской литературы в мире. Нож религиозного фанатика, символ слепой ненависти к свободному слову, еще не вонзился в него, не лишил надолго возможности писать. У Махфуза были основания для оптимизма.

(Окончание следует)

¹ Ал-Гитани Гамаль. Ал-Маджалис ал-махфузийя (Разговоры с Махфузом). Каир, 2006, с. 54.

² См.: Предисловие А.Б.Куделина к «Ибн Исхак - Ибн Хишам. Жизнеописание Пророка. Великая битва при Бадре». Пер. с араб. и комментарии А.Б.Куделина и Д.В.Фролова. М., 2009.

³ Рус. пер. сокращенного однотомного издания В.Кирпиченко. М., 1975.

⁴ Абдаррахман ал-Джабарти (1754-1822). «Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий», т. II (Египет в канун экспедиции Бонапарта, 1776-1798). Пер. Х.И.Кильберг. М., 1978, с. 98-103.

⁵ Махгуб Абд ад-Даим - персонаж романа Махфуза «Новый Каир» («Ал-Кахира ал-джадида», 1945), беспринципный карьерист, девиз которого «религия + наука + философия + мораль = тьфу!».

⁶ Ал-Гитани Гамаль. Указ. соч., с. 308.

⁷ Ал-Газали, Абу Хамид (1059-1111) - мусульманский теолог, философ, мистик. Считал богопознание иррациональным актом индивидуального экстатического переживания.

⁸ «Вор и собаки» - рус. пер. Е.Стефановой. М., 1964.

⁹ «Предания нашей улицы» - рус. пер. В.Н.Кирпиченко. М., 1990.

¹⁰ Ал-Гитани Гамаль. Указ. соч., с. 310.

** Эта формула повторяется в Коране 24 раза.